

Говард Филлипс Лавкрафт

Полярная звезда

(Polaris)

Из выходящего на север окна моей комнаты видна Полярная звезда. Долгими осенними ночами, когда снаружи завывает и неистовствует северный ветер, а деревья, шелестя огненной листвой, переговариваются между собой, я сижу у окна и безотрывно наблюдаю за ее зловещим мерцанием. Незаметно проходят часы, и ночная мгла понемногу начинает таять в серых предрассветных сумерках. Постепенно тускнеет высокомерная Кассиопея, Большая Медведица поднимается над беспокойно шелестящими кронами деревьев, которые всю ночь надежно скрывали ее от моего взора, повисший над кладбищенским холмом Арктур начинает нервно помигивать, предвещая скорый рассвет, а Волосы Вероники, струящиеся далеко на востоке, начинают излучать мягкое таинственное сияние: одна лишь Полярная звезда неподвижно висит там, где появилась с наступлением темноты. Я смотрю на небосвод и вижу ее жуткий мерцающий свет. Она напоминает мне всевидящее око неведомого безумца, что жаждет донести до людей некое диковинное послание и тщетно силится восстановить его в своей памяти, но не может вспомнить ничего, кроме того, что послание это еще совсем недавно обременяло его мозг. И лишь когда по ночам небо заволакивают тучи, ко мне приходит сон.

Я хорошо помню ночь великой Авроры, когда над болотом, обрамленным деревьями с огненной листвой, вспыхнул безумный фейерверк демонических огней. Потом набежавшие облака скрыли пламя небес, и я сразу же заснул.

...Тонкий бледный серп луны смотрел вниз с ночного неба, и я впервые увидел город. Спокойный и сонный, он раскинулся в центре широкого плато, окруженного со всех сторон причудливыми горными вершинами. Его стены и башни были выстроены из мертвенно-бледного мрамора; из того же мрамора были сложены его колонны и купола. Вдоль мощенных камнем улиц стояли мраморные столбы, верхушки которых украшали резные изображения суровых бородатых людей. Теплый воздух был прозрачен и недвижим. И над этим величественным городом, отклонившись от зенита не более чем на десять градусов, мерцало всевидящее око Полярной звезды. Я долго смотрел на город, однако так и не дождался наступления дня. Но после того, как повисший над горизонтом и никогда не заходящий за него красный Альдебаран неспешно преодолел четверть небосвода, я увидел огни и движение в домах и на улицах. Повсюду прохаживались странно одетые, но притом исполненные благородства фигуры; озаряемые светом тонкого бледного серпа луны люди спокойно и неторопливо беседовали друг с другом, и я хорошо понимал их язык, хотя он и не был похож ни на одно из известных мне наречий. А когда красный Альдебаран проделал половину своего небесного пути, тишина и мгла вновь воцарились над горизонтом.

Я проснулся другим человеком. Память моя хранила образ города, но в душе всплыло иное, более смутное воспоминание, происхождение которого было загадкой для меня. После этого я часто видел город во снах, одолевавших меня пасмурными ночами; иногда он предстал передо мною в жарких золотистых лучах солнца, что медленно катилось вдоль горизонта, не заходя за него. Но ясными ночами сон покидал меня, и, подняв глаза к черному небосводу, я встречал там лишь взгляд Полярной звезды, холодный и пристальный как никогда.

Через некоторое время я принялся рисовать себе картины моего пребывания в этом необыкновенном городе. Сначала я желал оставаться неким бестелесным и всевидящим призраком, дабы наблюдать жизнь города со стороны, но затем возжаждал погрузиться в гущу городской суеты и вести неспешные беседы с людьми, которые ежедневно собирались на площадях. «Это не сон, – говорил я себе, – ибо чем могу я доказать, что жизнь в этом городе менее реальна, нежели мое существование в каменном доме, расположенном к югу от мрачного болота и кладбища на пригорке, – в доме под Полярной звездой, которая еженощно заглядывает в северные окна?»

Однажды ночью я отчетливо услышал речи людей, собравшихся на большой, украшенной причудливыми статуями площади. Я ощутил в себе какую-то перемену и внезапно понял, что перестал быть призраком и обрел наконец-то материальную форму. Я не был более чужаком на улицах Олатоэ, что лежал на плато Саркия между вершинами Нотон и Кадифонек. Я слышал голос моего друга Алоса, и произносимые им речи ласкали мой слух, ибо это были речи настоящего мужа и патриота. Той ночью в город пришли вести о падении Дайкоса и о наступлении инутов – это страшное племя желтокожих карликов-убийц пять лет тому назад явилось с неведомого Запада, чтобы опустошить наше царство. Им удалось взять множество наших городов, они овладели укреплениями у подножий гор, и теперь им были открыты все пути на плато. Они возьмут и его, если только мы все как один не выйдем на защиту нашего города и не отразим нападение врагов, превосходящих нас числом в десятки раз. Это будет очень нелегко, ибо эти малорослые дьяволы очень искусны в ведении войн и к тому же не обременяют себя законами чести, которые удерживают высокорослый сероглазый народ Ломара от жестоких завоевательных походов.

Последней надеждой на спасение был мой друг Алос – он командовал силами, которые защищали город на плато. Спокойно и твердо говорил он о предстоящих опасностях и призывал мужей Олатоэ, храбрейших во всем Ломаре, вспомнить о великих подвигах их предков. Много веков назад далекие пращуры обитателей Ломара были вынуждены уйти из Зобны, спасаясь от нашествия гигантского ледника. Путь зобнийцев лежал на юг, где их подстерегали гнофкесы – длиннорукие, заросшие с головы до пят отвратительной шерстью кровожадные каннибалы. И все же нашим отважным предкам, говорил Алос, удалось смести их со своего пути и продолжить исход на спасительный юг. Алос призывал всех сограждан взять в руки оружие и отразить вторжение инутов. Я был едва ли не единственным исключением – моя физическая слабость и подверженность частым обморокам во время большого напряжения сил не были теми качествами, которые необходимы воину. Однако я обладал самым острым во всем городе зрением (и это несмотря на то, что в течение

многих лет подолгу изучал Пнакотикские рукописи и заветы Отцов Зобны), и мой начальственный друг оказал мне великую честь, доверив пост на сторожевой башне Тапнен. Я должен был наблюдать за узким горным проходом у подножия пика Нотон, которым могли воспользоваться инуты, чтобы подобраться к городу вплотную и застать врасплох его защитников. Моей же задачей было подать при появлении врагов сигнал нашим солдатам, предотвратив тем самым падение и гибель города.

Я находился на башне один, без помощника, ибо каждый боеспособный мужчина был на счету там, внизу, где стояли насмерть храбрейшие сыны Ломара. Мозг мой, в течение нескольких суток не знавший ни сна, ни отдыха, был перевозбужден от волнения и страшной усталости, но я решил исполнить свой долг до конца во что бы то ни стало, ибо страстно любил свою родную землю, что именовалась Ломаром, и в особенности мраморный город Олатоэ, раскинувшийся между вершинами Нотон и Кадифонек.

Оказавшись в самой верхней комнате башни, я увидел тонкий бледный серп луны, зловеще подрагивавший в серой дымке, которая заволокла далекую долину Баноф. А сквозь отверстие в потолке поблескивала Полярная звезда – она то игриво подмигивала, то пристально глядела на меня, и это был взгляд недруга и искусителя. Я подозреваю, что именно она сослужила мне дурную службу, навеяв предательский сон вкрадчивым нашептыванием дьявольского десятистишья, которое раз за разом повторялось в моем мозгу:

*Спи, дозорный, звездный год
Совершит круговорот –
Шесть и двадцать тысяч лет,
И уловишь вновь мой свет
Там, где нынче упустил
Посреди иных светил,
Что утешат душу впрок
И избавят от тревог.
Круг замкнется... Слышишь стук?
Прошлое явилось вдруг.*

Я тщетно боролся с овладевавшей мною дремотой, пытаюсь найти связь между этими странными строками и знаниями, почерпнутыми из Пнакотикских рукописей. Моя отяжелевшая голова упала на грудь, и когда я устремил свой взор вверх – а это было уже во сне, – то увидел, что Полярная звезда насмешливо смотрела на меня в окно; она висела так высоко над горизонтом, что ее не могли скрыть огромные, узловатые ветви деревьев, которые, сгибаясь под ураганным ветром, шумели листвою над угрюмым болотом. Все это происходило во сне – и я до сих пор от него не очнулся.

Иногда, охваченный стыдом и отчаянием, я бешено кричу, взывая к персонажам моих снов и умоляя их разбудить меня до того, как инуты пройдут незамеченными через горный проход у пика Нотон и овладеют беззащитным городом; но демоны сновидений лишь громко смеются и уверяют меня, что я вовсе не сплю. Они издеваются надо мной, не давая очнуться от сна, в то время как низкорослые

желтокожие враги скользят мимо ничего не подозревающих защитников цитадели и овладевают ею. Я не исполнил своего долга, я предал мраморный город Олатоэ и не оправдал доверия Алоса, моего друга и командира. И тени моих снов все еще смеются надо мной. Они говорят, что земли Ломар никогда не было на нашей планете и что это всего-навсего плод моих ночных фантазий. Они говорят, что в тех краях, где Полярная звезда сияет высоко в небе, а красный Альдебаран медленно оборачивается по самому краю небосвода, нет и никогда не было ничего, кроме тысячелетних льдов и снегов, и что здесь никогда не обитало никакой иной расы, кроме приземистых существ с желтой, отполированной жестокими ледяными ветрами кожей, и что существа эти именуются эскимосами.

Охваченный мучительным сознанием своей вины, стремясь во что бы то ни стало спасти город, над которым нависла страшная опасность, я тщетно стараюсь стряхнуть с себя эту дьявольскую дремоту и избавиться от навязчивого образа каменного дома, расположенного к югу от угрюмого болота и кладбища на пригорке; а Полярная звезда, безжалостная и насмешливая, смотрит вниз с черного небосвода, зловеще подмигивая мне и напоминая собой всевидящее око неведомого безумца, который жаждет донести до людей некое диковинное послание и тщетно силится восстановить его в своей памяти, но не может вспомнить ничего, кроме того, что послание это еще совсем недавно обременяло его мозг.

*Перевод Евгений Мусихин
1992 год*